

Вадим Аниперков

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск,
Беларусь

К вопросу о том, почему конфессиональный фактор не стал определяющим во втором разделе Речи Посполитой¹

Abstract

Why the confessional factor did not become determinant in the Second Partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth. The article is devoted to the analysis of the Russian political and military projects between 1789 and 1791. These projects were represented as different notes, letters, orders of Grigory Potemkin and foresaw the initiation and usage of the orthodox population of the south-eastern parts of the Polish–Lithuanian Commonwealth revolts. They were precursory approved by Ekaterina II and were intended to be used in case of a war conflict with the Polish–Lithuanian Commonwealth if the force balance was unprofitable for Russia. Four main reasons that did not let these plans to be accomplished are specified in this work. Firstly, the weakening of the Russian influence among the dissidents of the Polish–Lithuanian Commonwealth during the Four-Year Sejm (1788–1792). Secondly, the changes on the global stage, that diminished the threat of simultaneous attack of several European countries on Russia, as well as the disadvantageous for G. Potemkin court conjuncture, that of the increased influence of the new favourite – Platon Zubov. And lastly – the French Revolution influence, which forced Ekaterina II to avoid supporting the lower class, which included most of the local orthodox population. In this article Ekaterina’s II refusal to start the religious and class war in the Right-Bank Ukraine is considered as one of the factors leading to the alternative scenario of Russian military

1 Artykuł przygotowany w ramach realizacji w 2017 roku projektu „Targowica Confederation: Its Establishment and Activities on the lands of the Grand Duchy of Lithuania (May 1792–September 1793)” wspieranego finansowo przez Muzeum Historii Polski w Warszawie.

intervention in the internal affairs of the Polish–Lithuanian Commonwealth – in the formation of Targowica confederation.

К вопросу о том, почему конфессиональный фактор не стал определяющим во втором разделе Речи Посполитой. Статья посвящена анализу содержания российских военно-политических проектов 1789–1791 гг. по инициированию и использованию в собственных целях волнений православного населения в юго-восточных регионах Речи Посполитой. Эти проекты – представленные в виде различных записок, писем и распоряжений Г. А. Потёмкина – получили предварительное одобрение Екатерины II, которая была намерена использовать их в случае начала военного конфликта с участием Речи Посполитой и невыгодным для России соотношением сил. Определены четыре главные причины, не позволившие реализоваться данным планам: ослабление российского влияния среди диссидентов Речи Посполитой в период Четырёхлетнего сейма (1788–1792); изменения на международной арене, снизившие угрозу одновременного нападения на Россию ряда европейских государств; неблагоприятная для Г. А. Потёмкина дворцовая конъюнктура, связанная с усилением роли нового фаворита – П. А. Зубова; наконец – влияние Французской революции, заставившее Екатерину II воздержаться от поддержки в Речи Посполитой нижних слоёв населения, к которым относилось большинство местного православного населения. Отказ Екатерины II от развязывания в Правобережной Украине сословно-религиозной войны указывается в работе как один из факторов, обусловивший в скором времени осуществление альтернативного сценария российского военного вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой – в виде создания Тарговицкой конфедерации.

Keywords Grigory Potemkin, the Orthodox Church, the dissidents, the Four-Year Sejm, peasant revolt, the Targowica Confederation, the Second Partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth

Григорий Потёмкин, Православная церковь, диссиденты, Четырёхлетний сейм, крестьянский бунт, Тарговицкая конфедерация, второй раздел Речи Посполитой.

Конфессиональная ситуация в Речи Посполитой и её использование в качестве одного из оправданий разделов – тема, получившая достаточно широкое отражение в современной историографии. Под разным углом её рассматривают современные польские историки З. Зелинська (Z. Zielińska), В. Кригзайзен (W. Kriegseisen), Д. Дуквич (D. Dukwicz),

А. Миронович (A. Mironowicz)²; российские – Б. Н. Носов, П. В. Стегний, Л. М. Аржакова, О. И. Елисеева³; британские – Х. М. Скотт (H. M. Scott), Р. Буттервик (R. Butterwick)⁴; белорусский историк Е. К. Анищенко (Я. К. Анішчанка)⁵; немецкий – М. Д. Мюллер (M. D. Müller)⁶. Все они обращают внимание не только на сложность и динамику конфессиональных отношений внутри Речи Посполитой в XVIII веке, но также на их преломление во внешней политике соседних с ней государств. Несмотря на несхожесть ряда оценок, общим выводом в работах большинства указанных авторов является признание конфессионального фактора, как одного из наиболее существенных в генезисе первого раздела Речи Посполитой (1772).

Что касается второго раздела, то, при изучении его предпосылок, главное внимание исследователей справедливо направлено на соотношение реформаторской деятельности Четырёхлетнего сейма (1788–1792) и реакции на неё со стороны Екатерины II.

В частности, в качестве одного из факторов, которые сильно повлияли на радикализацию Посольской Избы и усилили в ней антироссийские настроения, называется угроза религиозных бунтов с участием крестьян и мещан, ощущаемая в 1789–1790 гг. в юго-восточных регионах Речи Посполитой.

Одна из последних работ, написанная на эту тему, была опубликована в “*Orientalia Christiana Sracoviensia*” в 2015 г. М. Тронбским

2 Z. Zielińska, *Polska w okowach „systemu północnego” 1763–1766*, Kraków 2012, с. 21–41, 549–592; W. Kriegseisen, *Dysydenci i dyzunicy w Rzeczypospolitej epoki stanisławowskiej*, w: *Stanisław August i jego Rzeczypospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu*, red. A. Sołtys, Z. Zielińska, Warszawa 2013, с. 51–62; D. Dukwicz, *Rosja wobec sejmu rozbiorowego warszawskiego (1772–1775)*, Warszawa 2015, с. 266–285; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w Polsce*, Białystok 2006, с. 438–463.

3 Б. В. Носов, *Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг.*, Москва 2004, с. 321–358, 469–490; П. В. Стегний, *Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772, 1793, 1795*, Москва 2002, с. 110–120, 159–160, 234–235; Л. М. Аржакова, *Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы)*, „*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*” 1 (2008), с. 31–39; О. И. Елисеева, *Геополитические проекты Г. А. Потемкина*, Москва 2000, с. 244–288.

4 H. M. Scott, *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775*, Cambridge 2001, p. 175–182; R. Butterwick, *The Polish Revolution and the Catholic Church, 1788–1792*, New York 2012 (польское издание: *Polska rewolucja a Kościół katolicki 1788–1792*, Kraków 2012).

5 Я. К. Анішчанка, *Народжаны рабалеппічаць. Беларускае землі пры першым падзеле Рэчы Паспалітай*, Мінск 2007, с. 42–51, 66–68, 108–162, 286–294, 300–302.

6 M. G. Müller, *Rozbiory Polski. Historia Polski i Europy XVIII wieku*, Poznań 2005, с. 37–38.

(М. Trąbski)⁷. Автор, следуя традиции «краковской школы» В. Калинки (W. Kalinka), а также в некоторой степени дублируя ряд положений российской историографии XIX века (С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров), рассматривает данную проблему скорее не как фактор внешнего воздействия, а как отражение внутреннего политического противостояния внутри сейма. Свою точку зрения он, среди прочего, подтверждает сведениями из польских эпистолярных источников за 1789–1790 гг., в которых данная угроза определяется не иначе как «басни», иллюзорные «страхи» и т. п.⁸

Для более всестороннего анализа обозначенной проблемы я предлагаю взглянуть на неё под другим углом – российской политической корреспонденции того времени⁹.

Следует отметить, что подобная переписка велась на фоне резкого ухудшения отношений Российской империи с Речью Посполитой. В октябре 1788 г. Четырёхлетний сейм принял решение об увеличении армии до 100 тыс. человек, в январе 1789 г. – постановил вывести из страны российские войска и ликвидировал Постоянную Раду, а в марте 1790 г. одобрил подписание военного соглашения с Пруссией¹⁰.

7 М. Trąbski, *Zagrożenie buntem chlopskim w południowoschodnich województwach Rzeczypospolitej Obojga Narodów w latach 1788–1789*, „Orientalia Christiana Cracoviensia” 7 (2015), с. 91–116.

8 М. Trąbski, *Zagrożenie...*, указ. соч., с. 113–114; ср. W. Kalinka, *Sejm Czteroletni*, т. 1, Lwów 1881, с. 335–338, 389–397; С. М. Соловьёв, *История падения Польши*, Москва 1863, с. 226–234; Н. И. Костомаров, *Последние годы Речи Посполитой*, Санкт-Петербург 1870, с. 198–222.

9 В первую очередь речь идёт о переписке Екатерины II и Г. А. Потёмкина, материалы которой хранятся в Москве: в Архиве внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) и Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА). Значительная часть этой переписки на сегодняшний день опубликована – *Рескрипты императрицы Екатерины II князю Потёмкину*, „Русский архив” 8 (1874), кн. 2, стлб. 225–290; *Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, Сборник императорского русского исторического общества* (далее – СИРИО), т. 42, Санкт-Петербург 1885, с. 1–462; *Сборник военно-исторических материалов*, вып. 8: *Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1790–1793 гг.*, под ред. Н. Ф. Дубровина, Санкт-Петербург 1895; *Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791*, подготовил В. С. Лопатин, Москва 1997. Неопубликованную, но не менее важную для понимания проблемы – часть используемых в статье документов составляют материалы переписки Г. А. Потёмкина с Екатериной II и российским посланником в Варшаве Я. И. Булгаковым а также некоторые другие эпистолярные материалы из личного фонда Г. А. Потёмкина, хранящиеся в РГВИА.

10 *Volumina Legum*, т. 9, Kraków 1889, с. 52, 64; ср. W. Kalinka, *Sejm Czteroletni*, т. 1, с. 131–579; т. 2, Lwów 1881, с. 3–67.

Такие решения интерпретировались в Петербурге как прямой вызов интересам России и, несмотря на то, что официальной реакции на них со стороны двора Екатерины II не последовало, в его кулуарах начали активно обсуждаться сценарии силового решения конфликта с Речью Посполитой. Первоначально, основным местом их разработки была даже не российская столица, а юго-западные регионы империи – вотчина военно-политической деятельности генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потёмкина¹¹, руководителя российскими армиями, занятыми в Русско-Турецкой войне 1787–1791 гг.

25 VI / 6 VII 1789 г. Г. А. Потёмкин сообщал Екатерине II:

Противу Польши нужно запастись. Черноморских казаков я умножаю, как можно больше. Да на всякий будущий случай нужно заготовить ружья. Я, чтобы скрыть виды, закажу в Туле, будто для казаков, из мещан и ямщиков формируемых. Такого оружия нужно много для того, что в Польше у всех нашего закона (православных – В. А.) оружие отобрано¹².

В представлении Г. А. Потёмкина наиболее вероятным для осуществления выглядел проект создания конфедерации православного населения Киевского, Брацлавского и Подольского воеводств, который он разработал осенью 1789 г. и представил Екатерине II на случай, если Речь Посполитая начнёт с Пруссией совместные военные действия против России и Австрии. Данный план был изложен им в записке «О Польше» (второй по счёту с таким названием), которую в историографии по косвенным признакам предложено датировать 9/20 XI 1789 г.¹³

11 Роль и степень влияния Г. А. Потёмкина на российскую политику в Речи Посполитой остаются предметом противоречивых оценок в историографии, ср. R. H. Lord, *Drugi rozbiór Polski*, Warszawa 1984, с. 46–48, 77–80, 101–105, 139–146; J. Michalski, *Fryderyk Wielki i Grzegorz Potemkin w latach kryzysu przymierza prusko-rosyjskiego*, w: *Między wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVIII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiąt rocznicę urodzin*, red. T. Chynczewskiej-Hennel, M. Kulecki, H. Litwin, J. Tazbir, Warszawa 1993, с. 215–230; J. Łojek, *Wokół sporów i polemik*, Lublin 1991, с. 121–123, J. Łojek, *Geneza i obalenie Konstytucji 3 maja*, Lublin 1986, с. 171–182; R. Butterwick, *Polska rewolucja...*, указ. соч., с. 161, 205, 218–219, 234–240, 247–248, 298 etc.; О. И. Елисеева, *Геополитические...*, указ. соч., с. 191–288; П. В. Стегний, *Разделы Польши...*, указ. соч., с. 177–205, 233–235, 243–253.

12 Г. А. Потёмкин – Екатерине II, 25 VI/6 VII 1789, в: *Екатерина II и Г. А. Потемкин*, указ. соч., с. 353.

13 О. И. Елисеева, *Геополитические...*, указ. соч., с. 256.

Польша нельзя так оставить – утверждал в ней Г. А. Потёмкин, предлагая Екатерине II рассмотреть вариант нового раздела – было столько грубостей и поныне продолжаемых, что нет мочи терпеть. Ежели войска их получают твердость, опасны будут нам при всяком обстоятельстве, Россию занимающем, ибо злоба их к нам не исчезнет никогда за все нетерпимые досады, что мы причинили¹⁴.

В случае начала войны против России Г. А. Потёмкин предлагал в ответ поднять восстание православного населения в правобережной Украине, используя для этого лозунг её отделения от Польской Короны и запустив механизм восстановления прежней военной организации казачества. Руководителем («великим гетманом») воссозданных структур казацкого самоуправления Г. А. Потемкин при этом видел лично себя:

У них у всех желание возобновить прежнее состояние, как они были под своими гетманами, и теперь все твердят, что должно опять им быть по-прежнему, ожидая от России вспоможения. Сие дело исполнить можно самым легким образом. По начальству моему над казаками, именуйте меня гетманом войск казачьих Екатеринославской губернии [...] Минет мир, то я вас уверяю, что не начнут уже может быть или долго, или никогда турки с ими (против России - В. А.) войны, а посему и руки будут свободные. Я тогда с кошем Черноморским, вошед в свою деревню, с ним атакую конфедерацию (созданную на Четырёхлетнем сейме – В. А.), народа православного о манифестую права прежние, достану их и отделись [...] Каменец Подольский и Бердичев тотчас занять и всех жителей военными сделать. Тут будет войска 150 тысяч, и ни копейки вам стоит содержание не будет. Вы сим способом приобретёте России целое государство, которому дав выгоды, пригнните жителей отовсюду, где живут¹⁵.

Как видим, речь шла о восстановлении института гетманства – не так давно упразднённого Екатериной II – и о формировании из казаков в левобережной части Украины отдельной армии во главе

14 АВПРИ. Ф. 5, оп.1, д. 589, л. 215–215 об.

15 АВПРИ. Ф. 5, оп.1, д. 589, л. 214 об.–215.

с Г. А. Потёмкиным, которая в случае необходимости могла бы быстро занять три правобережных воеводства Польской Короны.

После некоторых раздумий Екатерина II указом от 10/21 I 1790 г. именовала Г. А. Потёмкина «великим гетманом Императорских Екатеринославских и Черноморских казачьих войск»¹⁶. Тем самым российская императрица признала предложенный Г. А. Потёмкиным план возможным для реализации.

Вручение рескрипта – отмечает О. И. Елисеева – послужило сигналом того, что князь может приступить к осуществлению своего секретного плана о возмущении православного казачества Польской Украины¹⁷.

Рескрипт имел подробное сопроводительное письмо, в котором императрица дала понять Г. А. Потёмкину, что одобрение его плана стало ответом на поступившие из Варшавы сведения о скором заключении (23 III 1790) военного союза между Пруссией и Речью Посполитой:

Поелику нет сомнения, что поляки по заключении союза с прусским королём покусятся таки принять в деле участие, то Я считаю, что к уничтожению их вредных умыслений не может быть надежнейшее средство, как то самое, которое вы в секретном вашем плане Нам представляли и которое не только их озаботить, но и в самый сущий и крайний упадок привести удобно. Мы всегда с соболезнаванием взирали на угнетение в горе и гражданской свободе обывателей польской Украины и Подолия, с Нами единоплеменных и единозаконных, Нам усердствующих и от Нас единых помощи и защиты чающих. Как скоро настанет к тому способное время и вы увидите, что грозящая новая буря неизбежна и что легкомысленные

16 *Екатерина II и Г. А. Потемкин*, указ. соч., примечание, с. 901. Именуя себя гетманом, Г. А. Потёмкин поспешил придать себе соответствующий образ, в том числе в виде специального конвоя из 120 «отборных, исправных в оружии и лошадях и самых храбрых» казаков. Он же назначил кошевого атамана, войскового судью и войсковых старшин, а также определил будущую территорию проживания казачества в мирное время: «в Керченском куту, или на Тамане», и, дополнительно, «на кинбурнской стороне земли, не принадлежащие помещикам, а от Буга по морю до Днестра». См.: А. В. Бельский, *Керчь-Еникальскский округ Черноморского казачества. 1788–1792 гг.*, Культура народов Причерноморья, 2011, № 213, с. 122–123; м. *Сборник военно-исторических материалов*, указ. соч., с. 4, 11, 32, 38.

17 О. И. Елисеева, *Геополитические...*, указ. соч., с. 258.

и неистовые поляки окажут готовность присоединяться с неприятелем Нашим, то Мы и позволяем вам помянутый план ваш произвести в действо, вследствие того, дабы удобнее привлечь под начальство ваше тамошний народ, даём Мы вам наименование гетмана войск казацких Екатеринославской губернии и Черноморских, о чём прилагаемый рескрипт позволяет вам, когда заблагорассудите, употребить и сделать гласным. Открытие конфедерации и прочее сего плана производство вверяем Мы вашему попечению, быв, несомненно, обнадёжены, что вы при начинании столь важного и трудного дела, сообразите оное со всеми окрестностями и сделаете предварительно все необходимые нужные распоряжения, посредством коих пределы Наши и в них тишина надлежащим образом сохранены будут¹⁸.

Таким образом, независимо от степени политической конъюнктуры и сомнений в объективности расследований, инициируемых Четырёхлетним сеймом в отношении лиц православного вероисповедания, подозреваемых в подготовке волнений в юго-восточных регионах страны, сам предмет этих расследований имел под собой определенное основание. Установленным фактом мы можем считать наличие подобных планов у российского руководства.

В 1895 г. Военно-учёная комиссия при Главном штабе российских войск издала бумаги из личной канцелярии Г. А. Потёмкина за период 1789–1791 гг. Эти документы отражают мероприятия Светлейшего князя по созданию военных структур казачества в преддверии ожидаемой войны с Речью Посполитой. В казаки – «к службе Её Императорского Величества» – записывали добровольцев из числа мещан Екатеринославской и Харьковской губерний, а также крепостных, сбежавших из Правобережной Украины (в том числе, в корпус пеших стрелков численностью 5600 чел.)¹⁹. Другим и, по-видимому, более простым с точки зрения реализации способом стало преобразование в казацкие полки легкоконных полков регулярной российской армии (Чугуевского, Полтавского, Херсонского, Александровского) с изменением не только их внешних атрибутов (форма, наименование командиров) но и самого

18 Екатерина II – Г. А. Потёмкину, 10/21 I 1790, РГВИА, ф. 52, оп.2, д. 7, л. 9 об.–11.

19 *Сборник военно-исторических материалов*, указ. соч., с. 24–26, 54–55.

характера военной службы, с возможностью не находиться в своих подразделениях в мирное время²⁰.

На протяжении первой половины 1790 г. содержание военных предложений Г. А. Потёмкина в отношении Речи Посполитой неоднократно обсуждалось (с различной степенью интерпретаций) как непосредственно самой императрицей, так и внутри дипломатического корпуса России. В частности, Александр Андреевич Безбородко – второй член и фактический руководитель российской коллегии иностранных дел – в апреле 1790 г. сообщал в Лондон российскому послу Семёну Романовичу Воронцову:

Положено, как скоро поляки или прусаки откроют свои неприязненные действия противу австрийцов или противу нас, армия наша вступит в Польшу от Днестра, Буга и Днепра и займёт три воеводства: Киевское, Волынское и Брацлавское, протянув линию от границы Могилёвской губернии до Заславля или Бродов, чтоб схватиться рука за руку с австрийским корпусом в Галиции, который по требованию нашему и сам должен занять часть Волыни и другие земли подручные, дабы не только закрывать Галицию и занимаемые места, но и быть в мерах действовать далее. Корпус австрийский будет по их обнадёжению в тесной связи с армией Моравской. В Украине Польской мы сделаем конфедерацию наших единовольных примерную той, которая гетманом Хмельницким была сделана, и тем поставим столько войска, что займём всю польскую армию²¹.

30 V /10 VI 1790 г. Г. А. Потемкин представил Екатерине II «План операции военной по вступлению в Польшу», в котором детально изложил свои тактические предложения:

Вступление в Польшу долженствует быть согласовано с союзниками, к тому движение наше к назначенной черте единовременно с открытием действий от австрийцев произведется. Из означенных позиций на карте видно, что граница от Чернигова или, лучше сказать, от Гом[е]ля к Кракову и молдавская по Днестру остается уже

20 *Сборник военно-исторических материалов*, указ. соч., с. 165, 182, 185, 192.

21 А. И. Безбородко – С. Р. Воронцову, Царское село, 30 IV 1790, в: *Архив князя Воронцова*, кн. 13, Москва 1879, с. 184–185

за спиною у нас, а белорусская так будет обеспечена, что неприятель поопасается ворваться даже за Могилев, опасаясь быть отрезану. При вступлении нашем в Польшу войски республики рассеяны или прогнаны будут. Я на Бога надеюсь, что все разбегутся и много к нам. Тогда я пойду вперед и так уже встану, что вся граница от польских войск обеспечена будет; а полки, в Белоруссии собирающиеся, двинутся к Курляндии противостоят прусскому королю и тем закрыть Ригу. Во время движения вперед моего корпуса в трёх воеводствах черноморские казаки водворятся, манифест публикуется и русский народ возьмет силу, а с тем вижу себя и считаю себя независимым от Польши, [...] и католиков выгоню, и войско соберётся тысяч сто, [и] коли Бог поможет, Каменец добуду²².

Среди многочисленных организационных распоряжений Светлейшего князя выделим одно, которое в мае 1790 г. было направлено Михаилу Никитичу Кречетникову, в то время руководителю Новороссийских губерний:

Слышал я, что у поляков делаются великие дезерции. Сие заслуживает особливо нашего внимания. Употребите все способы воспользоваться. Принимая ласково приходящих, приманить мы можем много. Когда явятся – спрашивать, какой род жизни избрать хотят, такой им и доставлять. Ежели на поселение, то присылать на Екатеринославскую губернию, а я в границе определю для приёма их надёжного офицера. Более всего предпишите у являющихся ничего не отнимать; которые же пожелают в службу, из таких составить особую часть, назвав волонтерскою когортою, жалованья им – по одному рублю в месяц, провиант и ружьё. Определить к ним спокойного и искусного офицера²³.

Как следует из последнего фрагмента, речь шла о планах формирования отдельных воинских подразделений из бывших жителей Речи Посполитой. Их участие в войне на стороне Российской империи должно было придать действиям её руководства внешний характер содействия местному населению, а не интервенции (как известно,

22 Г. А. Потёмкин – Екатерине II, 30 V /10 VI 1790, РГВИА, ф. 52, оп.2, д. 17, л. 137–137 об.

23 Г. А. Потёмкин – М. Н. Кречетникову, 13/24 V 1790, РГВИА. ф. 52, оп. 2, д.17, л. 128.

похожая схема – в виде создания «войск конфедерации», отдельных от регулярной армии – найдёт реальное воплощение в тарговицкий период летом 1792 г.²⁴).

Обратим также внимание на то, что Г. А. Потемкин намеревался развернуть деятельность конфедерации единоверного с Россией населения только на украинских землях Польской Короны, не затрагивая при этом территории Великого Княжества Литовского. Позиция фаворита относительно жителей белорусских земель приоткрывается в записке «О наборе из неправославных в Белоруссии пограничной стражи». Советуя не использовать в её рядах местное население, Г. А. Потёмкин писал Екатерине II 30 V/ 10 VI 1790 г.: «Мещане в Белоруссии не все нашей церкви, еще римляне и униаты, то из них войско собранное в том крае не употребительно»²⁵. Данное замечание было сделано в отношении восточных земель современной Беларуси, присоединенной к России в 1772 г. Процент католиков обоих обрядов на белорусских землях, которые остались в пределах Великого Княжества Литовского, как известно, был ещё больший. С учётом этого становится понятным, почему Г. А. Потёмкин не желал включать в свои планы территорию западной и центральной Беларуси.

Работая с материалами переписки Г. А. Потёмкина, исследователи сталкиваются с вопросом, который, по-видимому, так и останется без окончательного ответа в историографии. Речь идёт о степени

24 Подробные предложения на сей счёт содержатся также в недатированной записке, относящейся ко времени пребывания Г. А. Потёмкина в Санкт-Петербурге (февраль-июль 1791 г.): «Прежде всего надлежит набрать в Польше национальное войско с возможною скоростью, без всякого о том разглашения, дабы когда дело сие откроется, желающие в том препятствовать увидели, что им нет уже средства отвратить сие чрез различные их коварства и хитрости, а остаётся только разве переведаться ружьём; но тогда сперва неоднократно подумают, сходно ли для них будет за оное приняться. Здесь приобщается смета денежной издержки для набору одной национальной бригады, состоящей в четырёх тысячах конницы, где одна половина слыть будет шляхетными товарищами, а другая почтовыми, с потребными для командования оною штаб и обер-офицерами. По сей примерной смете можно будет набрать столько бригад, сколько заблагорассудится. По наборе войска, находящегося при нём дворянство, как само собою, так и чрез своих приятелей, спешествовать будет к составлению конфедерации в нижеследующих воеводствах: в Волинии, в Подолии, в Брацлаве, в Киевском воеводстве, в Сирадии, в Великой Польше и в Бресте Литовском [...]», *Рескрипты императрицы Екатерины II князю Потёмкину*, указ. соч., с. 275–276.

25 Г. А. Потёмкин – Екатерине II, 30 V/ 10 VI 1790, РГВИА. ф. 52, оп. 2, д.17, л. 114; ср. Г. А. Потёмкин – Екатерине II, 9/20 VII 1790, *Сборник военно-исторических материалов*, указ. соч., с. 108: «Касательно мещан белорусских, я уже доносил, что по разномуверию их не надёжны они быть употреблены, как казаки на польской границе. При том же в городах, которым надаваны права магдебургские, мещане там пользуются почти шляхетским правом [...]».

политической открытости в его отношениях с Екатериной II. Иными словами, о том, насколько далеко российская императрица могла зайти, раскрывая в переписке с Г. А. Потёмкиным свои намерения и окончательные решения по тому или иному вопросу (особенно – с учётом фактора борьбы внутри её двора различных группировок), а также насколько предложения самого фаворита определялись его личными, в том числе, возможно, скрываемыми от императрицы планами.

Известно, что противники Г. А. Потёмкина обвиняли его в стремлении стать полунезависимым от Петербурга правителем южных областей и Крыма²⁶. В этой связи нельзя не отметить, что военные планы Г. А. Потёмкина в период 1789–1790 гг. в отношении Речи Посполитой (тракующие его в роли нового Богдана Хмельницкого) скорее должны были подтвердить, чем опровергнуть, в глазах императрицы такую точку зрения.

Ещё одним «камнем преткновения» при обсуждении Екатериной II и Г. А. Потёмкиным «польского вопроса» стала фигура великого коронного гетмана Франциска Ксаверия Браницкого. Связанный с Г. А. Потёмкиным, в том числе узами родства, Ф. К. Браницкий поддержал озвученные в адрес России на Четырёхлетнем сейме обвинения в подготовке волнений единоверцев в украинских воеводствах, используя их как обоснование необходимости усиления внутри государства власти гетманов²⁷. Г. А. Потёмкин, отвечая на упрёки в свой адрес²⁸, уверял Екатерину II в своём бессилии в вопросе воздействия на коронного гетмана²⁹, но при этом умело обратил фактор ослабления российского влияния на Четырёхлетнем сейме в свою пользу, добившись отзыва из Варшавы российского посла Оттона М. фон Штакельберга (которого постоянно критиковал³⁰) и его замены на своего протеже Якова Ивановича Булгакова³¹.

26 См. *Екатерина II и Г. А. Потёмкин*, указ. соч., примечание, с. 901; R. H. Lord, *Drugi rozbiór Polski*, указ. соч., с. 46–48.

27 См. R. Butterwick, *Polska rewolucja...*, указ. соч., с. 390–395; О. И. Елисеева, *Геополитические...*, указ. соч., с. 247–248; *Екатерина II и Г. А. Потёмкин*, указ. соч., примечание, с. 853–854.

28 Екатерина II – Г. А. Потёмкину, (?) 1789, в: *Екатерина II и Г. А. Потёмкин*, указ. соч., с. 338–339.

29 Г. А. Потёмкин – Екатерине II, (?) 1789, в: *Екатерина II и Г. А. Потёмкин*, указ. соч., с. 338.

30 Г. А. Потёмкин – Екатерине II, 17/28 XI 1788, 5/16 XII 1789, 23 I / 2 II 1790, 25 II / 7 III 1790, 10/21 III 1790, в: *Екатерина II и Г. А. Потёмкин*, указ. соч., с. 327, 389, 394, 399, 402.

31 Г. А. Потёмкин – Екатерине II, 18/29 III 1790; Екатерина II – Г. А. Потёмкину, 30 III / 9 IV 1790, в: *Екатерина II и Г. А. Потёмкин*, указ. соч., с. 403, 407.

Екатерина II, в свою очередь, регулярно подчёркивала в переписке с Г. А. Потёмкиным, что реализация выдвинутого им проекта начнется только в ответ на военные действия со стороны Пруссии³². При этом, если до лета 1790 г. императрица в их неизбежности практически не сомневалась (на это указывают не только её письма к Г. А. Потёмкину, но также распоряжения, направляемые императрицей в Военную коллегию³³), то после заключения в июле 1790 г. рейшенбахского соглашения и предотвращения австрийско-прусского военного конфликта уровень угрозы совместных военных действий Пруссии и Речи Посполитой против России несколько снизился³⁴, а вместе с тем, и исчезла острая необходимость приведения в жизнь планов Г. А. Потёмкина по использованию в войне против своего западного соседа местного православного населения. Для России – занятой на протяжении 1788–1790 гг. одновременно в двух войнах, с Турцией и Швецией, – подобное развитие событий на международной арене было, безусловно, приемлемым вариантом, который к тому же оставлял некоторую надежду и время на исправление ситуации дипломатическими мерами и в Речи Посполитой.

Поскольку та по-прежнему рассматривалась в Петербурге как потенциальный военный противник, деятельность российского посольства в Варшаве была направлена на недопущение здесь значительных реформ³⁵. Содержание Конституции 3 мая засвидетельствовало тщетность дипломатических усилий России в этом направлении. Эволюцию

32 Как пример, Екатерина II – Г. А. Потёмкину, 10/21 V 1790, РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 7, л. 179: «Мы впрочем уверены, что ваши распоряжения в следствии плана вашего на случай разрыва от Пруссии и Польши, Нами утверждённого, достигли такой степени, что коль скоро неприятельские действия противу Нас от них окажутся, вы тотчас готовы занять черту вам назначенную и под охранением войск Наших устроить известную Наших единовверных конфедерацию; но при том доколе не откроются со стороны враждующих Нам явные неприятности, нужно иметь осторожность, чтоб не начинать Нам самим, и чрез то не дать выгоды королю прусскому и Польше оказать себя в глазах света атакованными и право имеющими на пособие от своих союзников».

33 Как пример, Екатерина II – Г. А. Потёмкину, 1/12 III 1790, РГАДА, ф. 5, д. 585, ч. 2, л. 218: «Теперь вздумали, что, потянув всё к воюющим частям, они с поляками до Москвы дойдут»; 19/30 III 1790, РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 7, л. 100–100 об.: «Не только продолжение войны с Портой, но и самый разрыв с Берлинским двором надлежит почитать неизбежным»; Екатерина II – Н. И. Салтыкову, 15/26 I 1790, РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 289, л. 10–11 об.: «Как по достоверным известиям полагать должно, что король прусский вмешается в настоящую войну».

34 См. R. H. Lord, *Drugi rozbiór Polski*, указ. соч., с. 72–109.

35 Екатерина II – Я. И. Булгакову, 25 IX/5 X 1790, РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 7, л. 328–329 об.

взглядов российской императрицы после принятия в Варшаве основного закона показывают её рескрипты Г. А. Потёмкину от 16/27 V и 18/29 VII 1791. Если в первом из них ещё рассматривалась возможность вернуть соседнее государство в орбиту российской внешней политики дипломатическими средствами (на условиях включения в её состав Молдавии), то во втором сохранён исключительно вариант силового вмешательства³⁶.

Позволим себе остановиться на их содержании более подробно. Текст первого рескрипта (от 16/27 V) представляет собой своеобразную пирамиду из трёх расставленных один за одним по степени предпочтительности вариантов решения Екатериной II «польского вопроса»: а) дипломатического – как основного и, по-прежнему, наиболее приемлемого с учётом сохранения угрозы совместных военных действий против России со стороны Англии и Пруссии; в случае его безуспешности – б) создания и военной поддержки конфедерации противников Конституции 3 мая; и только в случае их неудачи – в) использования старого плана Г. А. Потёмкина о провоцировании восстания православного населения в Правобережной Украине³⁷. В рескрипте, в частности, отмечалось:

Если все старания Наши (дипломатического характера – В. А.) останутся тщетны и негоциация не возьмёт силы, то не должно уже откладывать прибегнуть к мерам крайним, и именно: чтоб посредством реконфедерации привести в замешательство Нам недоброхотных. Может быть и самая настоящая перемена конституции Польской послужит к тому поводом. Великий гетман Браницкий, артиллерии генерал Потоцкий, по их известной к Нам преданности, також генерал-порутчик Косаковский, Пулавский и другие могут начать таковую реконфедерацию [...] Не оставьте как вышеименованных особ, так и других главнейших, Нашу сторону деятельно приемлющих, снабдить, что будут они защищены и, в случае гонения на них, в России приняты быть могут.

К числу таковых сильных мер принадлежит исполнение секретного вашего плана о воеводствах Киевском, Брацлавском и Подолии. Усердие к вере единоверных и единоплеменных Нам тамошних

36 Рескрипты императрицы Екатерины II князю Потёмкину, указ. соч., с. 246–258; 281–290.

37 Ср. П. В. Стегний, *Разделы Польши...*, указ. соч., с. 251.

обитателей, привязанность их к России и надежда, что единою её помощью могут они избавиться от угнетений, им причиняемым, удостоверяют Нас, что при первом появлении войск наших в том крае они с нами соединятся и, возобновив в памяти храбрость предков своих, общею силою преуспеют выгнать из края тамошнего неприятелей. Данное от нас вам именование великого гетмана войск наших казацких, Екатеринославских и Черноморских послужит побуждением и самым надежным средством для всех, веры и происхождения российских, обитающих в Польше собраться под главным руководством вашим на действия там подлежащие³⁸.

Во втором рескрипте Екатерины II (от 18/29 VII 1791) данная вариативность исчезает; из трёх сценариев вмешательства России в «польские дела» оставлен лишь второй вариант – создания оппозиционной конфедерации под лозунгами защиты шляхетских свобод и борьбы против Конституции 3 мая:

Что перемена правления, в Польше случившаяся, если она в силе и действии своих утвердится, не может быть полезна для соседей, в том ни малого нет сомнения [...] Но как недовольные сею переменою артиллерий генерал Потоцкий и польный гетман Ржевуский, не скрывая образа мыслей их, намерены, да и считают необходимым открыть свои действия не теряя времени, дабы между тем зло, в отечество их введенное, не утвердилось: то при подобном восприятии со стороны их деятельных мер, нельзя уже будет и нам отлагать далеко наше им пособие. Надобно однако ж, чтоб сами они начали составлением партии верной и значущей и, прибегнув к нам, яко ручательнице прежней их вольной конституции, формально требовали нашего заступления и помощи³⁹.

Такой сценарий, как известно, и будет воплощён в жизнь в результате подготовки и обнародования тарговицкого акта от 14 мая 1792 г.

38 Рескрипт 16 мая 1791 г., в: *Рескрипты императрицы Екатерины II князю Потёмкину*, указ. соч., с. 254–255. Оригинал рескрипта с автографом Екатерины II выявлен автором в РГВИА. Ф. 52, оп. 2, д. 8, л. 25–36 об.

39 Рескрипт 18 июля 1791 г., в: *Рескрипты императрицы Екатерины II князю Потёмкину*, указ. соч., с. 281–282. Оригинал рескрипта с автографом Екатерины II см. в РГВИА. Ф. 52, оп. 2, д. 8, л. 43–68 об.

Публикация рескриптов (в 1874 г. – усилиями П. И. Бартенева) вызвала неоднозначную реакцию в историографии⁴⁰. Однако на фоне дискуссий историков по поводу подлинности рескриптов, а также степени отражения в них истинных намерений Екатерины II (заинтересованной в отъезде Г. А. Потёмкина из Санкт-Петербурга) незамеченным осталось одно важное различие в их содержании, а именно, отсутствие в тексте июльского рескрипта любого упоминания национально-религиозных мотивов в качестве обоснования будущего военного вмешательства России. Использование их для Екатерины II по мере развития событий стало нецелесообразным. В данном случае можно говорить о решении российской императрицы, принятом после определенных колебаний и обсуждения вопроса внутри своего двора, в том числе с учётом мнения Г. А. Потёмкина, изложенного им в записке «О Пруссии»⁴¹.

Данная записка, вероятно, была составлена Г. А. Потёмкиным незадолго или даже в день его отъезда из Санкт-Петербурга в Яссы 23 VII/

40 См. Sz. Askenazy, *Przymierze polsko-pruskie*, Warszawa 1918, с. 182; R. H. Lord, *Drugi rozbiór Polski*, указ. соч. с. 140–142, 324; J. Łojek, *Wokół sporów i polemik*, указ. соч., с. 123; J. Łojek, *Geneza i obalenie Konstytucji 3 maja*, указ. соч., с. 176–181; Л. Кондзеля, *Rossia u wtorej rozdziel Polysii: sostojanie izuczennja woprosa u issledowatel'skie zadacz*, в: Ł. Kądziała, *Od konstytucji do insurekcji. Studia nad dziejami Rzeczypospolitej w latach 1791–1794*, Warszawa 2011, с. 235; П. И. Стегний, *Разделы Польши...*, указ. соч., с. 249–250.

41 Полный текст записки: «Обстоятельства и по сие время в рассуждении войны требуют быть нам в готовности, наипаче противу пруссаков, и как они выгоду большую для себя имеют обращением на нас поляков, нежели опираясь в действии прямо собою, то сии последние должны быть первыми в наших соображениях. Хорошо, если бы мои мысли отвлекли поляков от Пруссии, и тем бы уничтожить все вредные замыслы. По моему мнению, есть возможность, во-первых, преклонением короля на свою сторону обещанием нации не входить в её дела внутренние, заключением союза наступательного и оборонительного, с ручательством за крепость их владений и уступку Молдавии на условиях о законе. А если такая негоциация не возьмёт силу, то не мешкая начну в Польше известный план, реконфедерацию составлю. Великому гетмана Браницкого, генерал артиллерии Потоцкий, на Волыни – Пулавский, в Литве – Коссаковский. Тут уже король будет не нужен, а нация его принудит ко всему. Я не упоминаю, что я сделал сдельного, что у нас известно в первом моём приношении представленное устройство и для чего я принял название великого гетмана. Начиная от первого приношения, всё создано живо в Польше производить, а не как некогда, и ежели Вашему Величеству то угодно, то и начать тотчас. О первом средстве изъясниться с императором, и тем лучше, если и он пристанет к союзу. Я не знаю, чтобы препятствовало к допущению саксонского курфюрста в наследники короны польской. Польша вся того желает и мы бы приобрели ещё третьего в союз? Ежели б император при откровенности, ему сделанной, окажет желание, близкое к разделу Польши, то ещё будет лучше, то уже делить так, чтоб мало её осталось. Я много раз докладывал, то есть лучше не делить вовсе, но когда уже сделали, то хуже уже много оставлять», РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 22, л. 74–75.

3 VIII 1791 г. и открыта в конце прошлого века О. И. Елисеевой⁴² (но, к сожалению, не была полностью опубликована). Содержание записки позволяет рассматривать её как реакцию Г. А. Потёмкина на упомянутый выше рескрипт императрицы от 18/29 VII 1791 с изложением своих замечаний. В рескрипте Екатерина II считала возможным и приемлемым для России допустить к участию в будущем разделе Речи Посполитой Пруссию; Г. А. Потёмкин, выражая несогласие по этому поводу, по сути, предлагал любые другие варианты решения «польского вопроса»: от привлечения Речи Посполитой на свою сторону (ценой признания Конституции 3 мая и наследственного права саксонской династии на польский трон) до активных военных действий против неё и Пруссии, включая использование в качестве союзных войск Австрии (с правом её участия в разделе) и задействование плана по развязыванию в Правобережной Украине восстания православного населения.

Его план, однако, так и остался без реализации, несмотря на то, что Г. А. Потёмкин заверял Екатерину II в принятии им действенных мер по завершению его подготовки:

Я не упоминаю, что я сделал сдельного [...] и для чего я принял название великого гетмана. Начиная от первого приношения, всё создано живо в Польше производить, а не как некогда, и ежели Вашему Величеству то угодно, то и начать тотчас⁴³.

По-видимому, окончательное решение Екатерины II в этом вопросе было принято в период с конца мая по июль 1791 г. и диктовалось совокупностью следующих факторов.

Один из них – это неблагоприятные для Г. А. Потёмкина изменения в соотношении сил внутри ближайшего окружения Екатерины II, которые были вызваны появлением при дворе нового фаворита – Платона Александровича Зубова⁴⁴. Как отмечал в своё время Е. Лоек (J. Łojek), стратегической линией поведения П. А. Зубова при дворе императрицы стало блокирование любых военно-политических инициатив

42 См. О. И. Елисеева, *Геополитические...*, указ. соч., с. 281–286.

43 «О Пруссии», РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 22, л. 74–75.

44 О последнем фаворите Екатерины II см. И. В. Курукин, *Платон Зубов – «министр всех частей правления»: фаворитизм на исходе XVIII столетия*, „Quaestio Rossica” 3 (2015), с. 200–226.

Г. А. Потёмкина, в том числе тех, которые касались Речи Посполитой⁴⁵. Воспользовавшись отъездом Г. А. Потёмкина из Санкт-Петербурга, а затем и его смертью в октябре 1791 г., П. А. Зубов в дальнейшем не без успеха попытался сосредоточить в своих руках основные нити российской внешней и внутренней политики⁴⁶.

Полагаем, однако, что более существенное и во многом определяющее влияние на выбор Екатерины II оказали изменения на международной арене.

Следует ещё раз подчеркнуть, что план Г. А. Потёмкина по использованию в военных целях межконфессиональных противоречий в Речи Посполитой рассматривался в Петербурге скорее как крайняя мера – на случай ведения войны с невыгодной для него расстановкой сил. Для России, которая и так находилась в состоянии двух войн – со Швецией (1788–1790) и Турцией (1787–1791), такая ситуация могла возникнуть, например, после нападения на неё Пруссии и Речи Посполитой; так же – в случае реализации плана британского премьер-министра У. Питта, который весной 1791 г. намеревался создать против России широкую военную коалицию с участием Великобритании, Голландии, Пруссии, Швеции, Дании и Речи Посполитой. Обе угрозы, в том числе усилиями российской дипломатии, были, однако, успешно нейтрализованы. В результате этого (с учётом успешного для России окончания шведской и удачного хода турецкой войн) Екатерина II получила возможность выбрать более «спокойный» вариант интервенции в Речь Посполитую, поскольку была полностью уверена в своём военном превосходстве над

45 J. Łojek, *Geneza i obalenie Konstytucji 3 maja*, указ. соч., с. 173–176.

46 А. И. Безбородко по этому поводу жаловался С. Р. Воронцову, 7/18 III 1791: «Прибытие князя Потёмкина, если не принесло нам большего пособия в публичных делах, ежели позволено иногда и личное своё рядом с тем полагать, для меня, по крайней мере, доставило хотя, может быть, минутное облегчение. Уже ненавидящий меня (речь, по-видимому, шла о П. А. Зубове – В. А.) до того простирает свои происки, чтоб меня привести в ничтожество и по части политической [...] Князь Потёмкин, приехав, не иначе, как со мной по делам работал, и чрез меня во всё относился; и по крайней мере, я им лично доволен, зная, что он отдаёт мне справедливость во всяком случае. Знаю, что по отъезде его, и паки за меня примутся; но никто же им так тяжёл не был, как я; ибо я, конечно, не нагнусь, и никому больше цены, как он стоит, не дам», в: СИРИО, т. 26, Санкт-Петербург 1879, с. 425. Ср. А. Deboli do Stanisława Augusta, Sankt-Petersburg, 8 VII 1792, в: *Rok nadziei i rok klęski. 1791–1792. Z korespondencji Stanisława Augusta z posłem Polskim w Petersburgu Augustynem Deboli*, wybrał i opracował J. Łojek, Warszawa 1964, с. 164.

западным соседом. В этой ситуации план Г. А. Потёмкина с военной точки зрения выглядел излишним⁴⁷.

Определенное значение в выборе Екатерины II имела также идеологическая составляющая.

С 1789 г. новым фактором, оказывающим всё большее воздействие на мировоззрение и решения Екатерины II, стали события Французской революции. Корреспонденция императрицы свидетельствует, что она, также как и российский посланник в Варшаве, события в Речи Посполитой всё чаще начинала оценивать, исходя из негативных примеров революционной Франции, обращая внимание на такие общие для обеих стран моменты, как политическая активность «третьего сословия», стремление придать крестьянам личную свободу и др.⁴⁸. Принято считать, что к началу 1792 г. Екатерина уже понимала глобальный характер угрозы, которую представляла Французская революция для европейских монархов⁴⁹. При таком подходе представляется логичным, что, осуждая деятельность парижских революционеров, российская императрица не пожелала разжигать в Речи Посполитой сословную войну по конфессиональному признаку.

В этом смысле выступление на стороне высшего сословия Речи Посполитой, под лозунгами защиты его традиционных прав и свобод, «попранных» Конституцией 3 мая, с идеологической точки зрения выглядело для Екатерины II куда более безопасным и аргументированным. Содержание ответа Екатерины II на первые сообщения Я. И. Булгакова о событиях, произошедших в Варшаве 3–5 мая 1791 г. наглядно показывает, что принятие «Ustawy rządowej» (как указано в её письме, в противоречии с Пакта конвента, без предварительного обсуждения, в ситуации отсутствия на сейме большей части сенаторов и послов) становилось в глазах Екатерины II не только весомым правовым обоснованием будущей военной интервенции, но и поводом верить в возможность объединения в политический лагерь противников

47 См. R. H. Lord, *Drugi rozbiór Polski*, указ. соч., с. 90–124, 254. Ср. Я. И. Булгаков – Г. А. Потёмкину, 13 / 24.I.1791, РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 55, л. 42–42 об.

48 Catherine II a F. M. Grimm, 10 V 1791, в: СИРИО, т. 23, Санкт-Петербург 1878, с. 534–536, Екатерина II – А. И. Безбородко, 29 IV/10 V 1791, в: СИРИО, т. 42, с. 152; ср. Я. И. Булгаков – Г. А. Потёмкину, 22 IV / 3 V; 24 IX / 5 X 1791, РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 55, л. 198, 260.

49 П. И. Стегний, *Разделы Польши...*, указ. соч., с. 254; R. H. Lord, *Drugi rozbiór Polski*, указ. соч., с. 139–140, 160.

Конституции большого количества недовольных⁵⁰. Неверные представления императрицы о раскладе политических сил в Речи Посполитой были на руку будущим руководителям Тарговицкой конфедерации, которые в своих интересах поддерживали до начала интервенции у императрицы подобные иллюзии.

Наконец, нужно учесть, что в период Четырёхлетнего сейма заметно уменьшилось влияние России в среде некаатолической шляхты и духовенства.

Для Петербурга знаковым событием, произошедшим вследствие деятельности депутатий Четырёхлетнего сейма (о расследовании дел лиц, подозреваемых в бунтах в Украине и для составления проектов относительно диссидентов) стало создание в Речи Посполитой независимой от российского Синода автокефальной Православной церкви (с переподчинением её в духовных делах Константинополю)⁵¹, что не осталось без внимания ни российского руководства, ни, позднее, российских историков. С. М. Соловьёв, по-видимому, не без некоторой доли преувеличения назвал решения Пинской конгрегации 1791 г. главным событием, обусловившим военное вмешательство России в «польские дела»⁵². Интересной деталью является и то, что одна из последних значимых претензий, выдвинутых Г. А. Потёмкиным в адрес О. М. Штакельберга перед его отзывом из Варшавы в марте 1790 г., касалась именно вопроса защиты местной Православной церкви и была связана с арестом в апреле 1789 г. властями Речи Посполитой части её руководства во главе с архиепископом Переяславским и Бориспольским Виктором (Садковским)⁵³. В отличие от В. Садковского, дей-

50 Екатерина II – Я. И. Булгакову, (?) VI 1791, в: П. И. Стегний, *Разделы Польши...*, указ. соч., с. 248–249.

51 О Пинской конгрегации см. *Volamina Legum*, t. 9, с. 447; *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси*, т. II, Вильна 1890, с. 173–183; A. Miropowicz, *Kościół prawosławny w Polsce*, указ. соч., с. 438–463.

52 См. М. Соловьёв, *История падения Польши*, указ. соч., с. 250.

53 Ср. Z. Zielińska, *Ostatnie miesiące ambasady Ottona Stackelberga w świetle jego raportów (styczeń 1789 – czerwiec 1790)*, w: eadem, *Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*, Warszawa 2001, s. 170–247; П. В. Стегний, *Разделы Польши...*, указ. соч., с. 235; подробное описание ареста В. Садковского содержит отчёт генерал-полковника М. Мацкевича (Michał Mackiewicz), *Informacyja o wzięciu w areszt j. kszdza Sadkowskiego archimandryty*, Biblioteka Książąt Czartoryskich – Muzeum Narodowe w Krakowie (далее – BCz), гкps. 949, к. 197–203. Следует отметить, что изменения в руководстве местной Православной церкви сопровождались конфликтами, часть из которых имела не только политическую, но и финансовую подоплёку. Примером этого была Слуцкая православная архимандрия. Её но-

ствия которого уже с момента назначения на кафедру (1785) в значительной степени определялись указаниями российского посольства⁵⁴, новый руководитель местной церкви бельский игумен Сава (Пальмовский) ориентировался в своих действиях на Варшаву, а в Санкт-Петербурге трактовался скорее как предатель веры, с последующей в 1792 г. попыткой его преследования российскими властями⁵⁵.

Сильное раздражение высшего российского руководства вызывало также активное участие в деятельности Четырёхлетнего сейма местных протестантов. Показательными (и симптоматичными) в этом смысле являются донесения за 1790–1791 гг. Я. И. Булгакова. Например, 12/23 октября 1790 г. российский посланник писал Г. А. Потёмкину:

Всего досадней есть то, что диссиденты против нас. Прусский поверенный в делах есть племянник генерала Гольца, бывшего маршалком в диссидентской конфедерации в Короне⁵⁶, а посол волковысский Грабовский – племянник маршалка конфедерации литовской⁵⁷.

вым руководителем вместо В. Садковского стал игумен Павел Бжезинский, смещенный впоследствии со своей должности сразу после входа на территорию Речи Посполитой российских войск. Осенью 1792 г. группа евреев в суде Слуцкой конфедерации требовала выполнения ранее заключенных за подписью П. Бжезинского хозяйственных контрактов. Часть монахов во главе с эклезиярхом Григорием Полонским считали эти контракты недействительными, рассматривая действия П. Бжезинского в обход консистории епископа как неправовые. П. Бжезинский обвинялся ими в использовании церковных средств, злоупотреблении печатью Слуцкой архимандрии, разорении крестьян необоснованными налогами, притеснении духовенства с подвластного себе монастыря, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, ф. 1934, воп. 1, спр. 1, арк. 39–43; спр. 2, арк. 5 адв.; спр. 4, арк. 1–1 адв.

- 54 О. М. Stackelberg do W. Sadkowskiego, 17/28 I, 21 I / 1 II 1786, kopie w języku polskim, BCZ, rkps. 934, k. 9–9v.
- 55 S. Palmowski do Stanisława Augusta, 4 III 1793; (?) 1793, AGAD, AKP, sygn. 203, k. 87–87v., 88–88v.; В. Садковский – Г. Конискому, 6/17 X 1792, в: *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси*, т. 2, Вильна 1867, с. 143–144; S. Palmowski do W. Sadkowskiego, (?) II 1793, в: *Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси*, т. II, Вильна 1890, с. 187; Про деятельность С. Пальмовского см. А. Mironowicz, *Ihumen Sawa Palmowski*, Białystok 2001, с. 33–62.
- 56 Август Фридрих Фердинанд Гольц (August Fryderyk Ferdynand Goltz) – прусский дипломат, в период с 20 X 1790 до 5 XII 1791 являлся посланником Пруссии в Варшаве; его дядя – генерал-лейтенант коронных войск Ежи Вильгельм Гольц (Jerzy Wilhelm Goltz) в 1767 г. был маршалком Торуньской конфедерации диссидентов, см. W. Konopczyński, *Jerzy Wilhelm Goltz, Polski słownik biograficzny* (далее – PSB), т. 8, Wrocław 1959–1960, с. 235–236.
- 57 Павел Грабовский (Paweł Grabowski) – посол Волковысского повета на Четырёхлетнем сейме, член депутации по вопросам украинских бунтов и Общества Друзей Конституции 3 мая, как кальвинист входил в состав Пинской конгрегации, был сторонником автокефалии местной Православной церкви; его отец – Ян Ежи Грабовский (Jan Jerzy Grabowski)

Последний (Грабовский – В. А.) говорил против нас на сейме страшным образом, а теперь разглашает, что когда курфюрст саксонский торгуется, то лучше взять прусского короля. Они собираются послать депутацию на сейм, дабы их права (ибо гарантии и трактаты с Россией уничтожены) были сим подтверждены от Республики. Сии люди, вместо благодарности, похожи на ренегатов, кои несравненно злее на христиан, нежели сами турки⁵⁸.

Я. И. Булгаков достаточно регулярно и подробно описывал из Варшавы известные ему перипетии религиозной жизни в Речи Посполитой и изменения в настроениях местных диссидентов⁵⁹. Общее содержание его наблюдений было скорее пессимистичным и, по-видимому, лишь увеличивало сомнения российского политического руководства в целесообразности использования религиозных лозунгов во время будущей интервенции. К началу 1792 г. становилось вполне очевидным, что придание военному вмешательству России религиозной составляющей не будет иметь должного эффекта, поскольку, в отличие от 1767 г.,

в 1767 г. был маршалком Слуцкой конфедерации диссидентов. В письме Я. И. Булгакова Павел Грабовский назван (по видимому – ошибочно) племянником Яна Ежи Грабовского, см. S. Herbst, *Grabowski Paweł*, в: PSB, t. 8, с. 506–507; W. Konopczyński, *Grabowski Jan Jerzy*, в: PSB, t. 8, с. 494–495.

58 Я. И. Булгаков – Г. А. Потёмкину, 12/23 X 1790, РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 54, л. 165об.

59 Я. И. Булгаков – Г. А. Потёмкину, 22 X /2 XI 1790: «Маршалки конфедерации Малаховский и князь Сапега писали письма к главным диссидентам, по восьми в каждую провинцию, то есть в Великую Польшу, Малую Польшу и в Литву, с приказанием, чтобы они явились на сейм к 1 декабря сего года. Намерение есть, да может быть и по происках самих диссидентов, обеспечить права, доставленные им сильным покровительством Ея Императорского Величества, и кои, по мнению здешнему, уничтожены чрез самовольное нынешним сеймом отвержение Ея гарантии», РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 54, л. 175об. 6/17 XII 1790: «Имел я честь доносить в своё время, что маршалы конфедераций пригласили письмами главных диссидентов явиться здесь 1 декабря; что оные и исполнили. На сейме назначена депутация для выслушания их просьб, как то изволите увидеть из конституции при сем приложенной, а имена депутатов уже означены в 359 журнале сеймовых заседаний. Хотя в одной конституции сказано, что диссиденты пришли с декларацией, но они письменного ничего не подали, и напротив того, есть между ними желающие освободиться от гарантий. На сих днях депутация будет иметь первое заседание для выслушания их. Между диссидентскими депутатами находится бресткой игумен и ещё человека три греческого исповедания, но у меня из них никто не был, а вероятно что боятся показаться», РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 54, л. 329–329об. 10/21 II 1791: «Кардинал Античи, польский в Риме министр пишет, что Папа призывает поляков всеми силами стараться, чтоб все греки восточного исповедания соединились под одну главою, или Патриархом, который бы жил в Константинополе», РГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 55, л. 166об.

не встретит уже поддержки ни со стороны влиятельных протестанских семей, ни нового руководства местной Православной церкви. По-видимому, такая ситуация возникла не только вследствие заметного, хотя и временного, ослабления роли Петербурга во внутренней жизни Речи Посполитой, но также и из-за законов Четырёхлетнего сейма, которые, как отметил В. Кригзайзен, при сохранении господствующего статуса католической веры гарантировали всем некаатоликам в Речи Посполитой достаточно высокий уровень религиозных свобод и толерантности⁶⁰.

* * *

При подготовке данной статьи автор поставил перед собой две основные цели. Первая из них – это показать (основываясь на материалах российской политической корреспонденции 1789–1792 гг.), что сам предмет расследования депутации Четырёхлетнего сейма по изучению дел лиц, обвиняемых в бунтах, не был вызван лишь эфемерной паникой и сугубо политическими инспирациями, а имел под собой определённые основания. Хотя доступные мне источники не дают возможности судить о степени вины или невинности отдельных лиц православного вероисповедания, осуждённых сеймом и местными судами в период 1789–1790 гг., они с большой степенью достоверности указывают на то, что события в юго-восточных воеводствах отразились в планах российского руководства по усилению и использованию в своих интересах сословно-конфессиональных противоречий в Речи Посполитой. Эти планы, зафиксированные, главным образом, в виде писем, записок и распоряжений Г. А. Потёмкина, решено было привести в жизнь в случае начала неблагоприятной для России войны с Речью Посполитой и её возможными союзниками. Соответственно – отказ от их использования обернулся впоследствии созданием Тарговицкой конфедерации как альтернативного сценария российского военного вмешательства во внутренние дела соседнего государства.

Во-вторых, я стремился определить перечень причин, которые не позволили реализоваться данным планам. Этот перечень включал самые различные аспекты. Один из них был связан с неблагоприятной для Г. А. Потёмкина дворцовой конъюнктурой и с постепенным

60 W. Kriegseisen, *Dysydenci i dyzunicy w Rzeczypospolitej epoki stanisławowskiej*, указ. соч., с. 61–62.

перемещением основного центра влияния внутри двора Екатерины II в сторону нового фаворита – П. А. Зубова, не заинтересованного, по крайней мере до момента смерти своего предшественника, в реализации любых его предложений. Вторая причина имела военный характер. Для Российской империи целесообразность провоцирования сословно-конфессионального конфликта в Речи Посполитой заметно снизилась по мере успешного завершения войн со Швецией и Турцией, а также предотвращения угрозы совместного нападения на неё со стороны Речи Посполитой, Пруссии и ряда других европейских государств. Третья причина касалась аспектов идеологического обоснования будущей интервенции. Эхо Французской революции потребовало от Екатерины II воздержаться от поддержки в Речи Посполитой нижних слоёв населения (к которым относилось большинство местного православного населения) и выступить в защиту господствующего сословия, используя в своих целях лозунг сохранения его традиционных прав и свобод. Наконец, четвёртая, но не последняя по значимости, причина – это снижение российского влияния среди диссидентов Речи Посполитой в период Четырёхлетнего сейма.

Bibliografiâ

Arhivnye istočniki

Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie, AKP, sygn. 203.

Arhiv vnešnej politiki Rossijskoj imperii, f. 5, op. 1, d. 589.

Biblioteka Książąt Czartoryskich – Muzeum Narodowe w Krakowie, rkps. 934, 949.

Nacyanal'ny gistoryčnyj arhiŭ Belarusi ŭ Minsku, f. 1934, vop. 1, spr. 1,2,4.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov, f. 5, d. 585, č. 2; f. 20, op. 1, d. 289.

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv, f. 52, op. 2, d. 7, 8, 17, 22, 54, 55.

Opublikovannye istočniki

Arheografičeskij sbornik dokumentov, odnosâsihsâ k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, t. 2, Vil'na 1867.

Arheografičeskij sbornik dokumentov, odnosâsihsâ k istorii Severo-Zapadnoj Rusi, t. 11, Vil'na 1890.

Arhiv knâzâ Voroncova, kn. 13, Moskva 1879.

- Ekaterina II i G. A. Potemkin. Ličnââ perepiska 1769–1791*, podgotovil V. S. Lopatin, Moskva 1997.
- Reskripty imperatricy Ekateriny II knâzû Potëmkinu*, „Russkij arhiv” 8 (1874), stlb. 225–290.
- Rok nadziei i rok klęski. 1791–1792. Z korespondencji Stanisława Augusta z posłem polskim w Petersburgu Augustynem Deboli*, wybrał i opracował J. Łojek, Warszawa 1964.
- Sbornik imperatorskogo russkogo istoričeskogo obšestva*, t. 23, Sankt-Peterburg 1878.
- Sbornik imperatorskogo russkogo istoričeskogo obšestva*, t. 26, Sankt-Peterburg 1879.
- Sbornik imperatorskogo russkogo istoričeskogo obšestva*, t. 42, Sankt-Peterburg 1885.
- Sbornik voenno-istoričeskikh materialov*, vyp. 8: *Bumagi knâzâ Grigorija Aleksandroviča Potemkina-Tavričeskogo 1790–1793 gg.*, napečatany pod red. akad. N. F. Dybrovina, Sankt-Peterburg 1895.
- Volumina Legum*, t. 9, Kraków 1889.

Issledovaniâ

- Aniščanka Â. K., *Narodžany rabalepničac’. Belaruskiâ zemli pry peršym padzele Rěčy Paspalitaj*, Minsk 2007.
- Aržakova L. M., *Dissidentskij vopros i padenie Reči Pospolitoj (dorevolúcionnââ otečestvennââ istoriografiâ problemy)*, „Studia Slavica et Balcanica Petropolitana” 1 (2008), s. 31–39.
- Askenazy Sz., *Przymierze polsko-pruskie*, Warszawa 1918.
- Bel’skij A. V., *Kerč’-Enikal’skij okrug Černomorskogo kazačestva. 1788-1792 gg.*, „Kul’tura narodov Pričernomor’â” 213 (2011), s. 122–123.
- Butterwick R., *Polska rewolucja a Kościół katolicki 1788–1792*, Kraków 2012.
- Dukwicz D., *Rosja wobec sejmu rozbiorowego warszawskiego (1772–1775)*, Warszawa 2015.
- Eliseeva O. I., *Geopolitičeskie proekty G. A. Potemkina*, Moskva 2000.
- Herbst S., *Grabowski Paweł*, w: *Polski słownik biograficzny*, t. 8, Wrocław 1959–1960, s. 506–507.
- Kądziela Ł., *Od konstytucji do insurekcji. Studia nad dziejami Rzeczypospolitej w latach 1791–1794*, Warszawa 2011.
- Kalinka W., *Sejm Czteroletni*, t. 1–2, Lwów 1881.
- Konopczyński W., *Grabowski Jan Jerzy*, w: *Polski słownik biograficzny*, t. 8, Wrocław 1959–1960, s. 494–495.
- Konopczyński W., *Jerzy Wilhelm Goltz*, w: *Polski słownik biograficzny*, t. 8, Wrocław 1959–1960, s. 235–236.
- Kostomarov, N. I., *Poslednie gody Reči Pospolitoj*, Sankt-Peterburg 1870.
- Kriegseisen W., *Dysydenci i dyzunicy w Rzeczypospolitej epoki stanisławowskiej*, w: *Stanisław August i jego Rzeczypospolita. Dramat państwa, odrodzenie narodu*, red. A. Sołtys, Z. Zielińska, Warszawa 2013, s. 51–62.
- Kurukin I. V., *Platon Zubov - «ministr vceh častej pravleniâ»: favoritizm na ishode XVIII stoletia*, „Quaestio Rossica” 3 (2015), s. 200–226.

- Lord R. H., *Drugi rozbiór Polski*, Warszawa 1984.
- Łojek J., *Geneza i obalenie Konstytucji 3 maja*, Lublin 1986.
- Łojek J., *Wokół sporów i polemik*, Lublin 1991.
- Michalski, J., *Fryderyk Wielki i Grzegorz Potemkin w latach kryzysu przymierza prusko-rosyjskiego*, w: *Między wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVIII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, red. T. Chynczewskiej-Hennel, M. Kulecki, H. Litwin, J. Tazbir, Warszawa 1993, s. 215–230.
- Mironowicz A., *Kościół prawosławny w Polsce*, Białystok 2006.
- Mironowicz A., *Ihumen Sawa Palmowski*, Białystok 2001.
- Müller M. G., *Rozbiory Polski. Historia Polski i Europy XVIII wieku*, Poznań 2005.
- Nosov B. V., *Ustanowienie rosyjskiego gospodstwa w Reči Pospolitoj. 1756–1768 gg.*, Moskwa 2004.
- Scott H. M., *The Emergence of the Eastern Powers, 1756–1775*, Cambridge 2001.
- Solov'ëv S. M., *Istoriâ padeniâ Pol'si*, Moskwa 1863.
- Stegnij P. V., *Razdely Pol'si i diplomatiâ Ekateriny II. 1772, 1793, 1795*, Moskwa 2002.
- Trąbski M., *Zagrożenie buntem chłopskim w południowo-wschodnich województwach Rzeczypospolitej Obojga Narodów w latach 1788–1789*, „*Orientalia Christiana Cracoviensia*” 7 (2015), s. 91–116.
- Zielińska Z., *Ostatnie miesiące ambasady Ottona Stackelberga w świetle jego raportów (styczeń 1789 - czerwiec 1790)*, w: *eadem, Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku*, Warszawa 2001, s. 170–247.
- Zielińska Z., *Polska w okowach „systemu północnego” 1763–1766*, Kraków 2012.